

Ци Наньпин подготовился основательно. Той ночью, едва покинув пределы моста Линьси вместе с Лу Чжанем, он бесследно растворился в ночи — так быстро, что преследователи не успели заметить даже взмаха его одежд.

Лу Цзычэнь и остальные адепты Павильона Закаленных Звезд оказались заперты в хитроумном массиве, который незаметно опутал окрестности. Пытаясь преследовать похитителя, они раз за разом разделялись, но в итоге неизменно сходились в одной и той же точке, топчась на месте.

Демонические заклинатели обожали подобные уловки, которыми брезговали праведные мужи. Но когда такая «пустяковая забава» доведена до совершенства, разрушить её — задача не из легких. Адепты, вконец измотанные и растерянные, метались по кругу, точно слепые котята.

К счастью, Сюаньюань Кунь вовремя удержал Линь И, не дав тому в лоб ворваться в аномальную зону. Вдвоем они принялись за дело и снаружи взломали магическую печать.

Остальные заклинатели, прибывшие в город ради Жемчужины Алого Дракона или на свадьбу, проявили благородство: они остались в Цзиньси, чтобы успокоить напуганных горожан. Под их началом эвакуация прошла в строгом порядке, а разрушения, оставленные недавней схваткой, начали понемногу устранять. Многие ордена не упустили возможности укрепить свою репутацию добрыми делами.

Тем не менее было ясно: после такого потрясения мир в душах людей воцарится еще нескоро.

Повелитель демонов Ци Наньпин проделал такой путь, затеял невообразимую суматоху, но при этом не пролил ни капли крови и даже отступился от бесценной жемчужины. Объяснить всё это лишь его «переменчивым нравом» было бы слишком просто.

Чем больше Линь И размышлял об этом, тем более нелогичным казалось ему произошедшее. Снимая последние магические путы, он негромко пробормотал:

— А у этого Ци Наньпина, оказывается, есть свои принципы. Навел шороху, похитил градоначальника Лу, а за собой не оставил ни единого трупа.

Сюаньюань Кунь, словно невзначай, отозвался:

— Если бы пролилась кровь, считай, Ци Наньпин пришел бы зря.

Услышав это, Линь И невольно воскресил в памяти сцены общения демона с Лу Чжанем. Они явно были старыми знакомыми, и если всё зашло настолько далеко... Что ж, тайная страсть — вполне рабочая версия, объясняющая всё это безумие.

Линь И искоса взглянул на Сюаньюань Куня, поражаясь широте мышления главного героя. Решив сохранить образ строгого наставника, он сухо бросил:

— Нелепица!

Голос его звучал негромко и совсем не походил на суровый выговор.

Рука Сюаньюань Куня, направляющая духовную энергию для взлома массива, на миг замерла, но тут же продолжила движение с прежней точностью. Он повернулся к учителю с легким недоумением:

— Шифу, что-то не так?

Линь И: «...»

В ночной тишине лицо юноши казалось бесстрастным. Он выглядел настолько искренне растерянным, что Линь И стало неловко: на лбу Сюаньюань Куня буквально читалось «я мыслю как прямой, аки стрела, праведник».

Неужели это он сам, со своим современным и открытым взглядом на вещи, всё так опошлил?

Линь И поджал губы и качнул головой, пытаясь замять неловкость:

— Я говорю о том, что события этой ночи до крайности абсурдны. Демонические заклинатели и впрямь творят что хотят.

Сюаньюань Кунь почтительно кивнул. Он смотрел на Линь И с такой серьезностью, что это невозможно было игнорировать.

— Шифу совершенно прав.

Сердце Линь И кольнуло. Он решил немедленно сменить тему: нельзя же, в самом деле, портить моральный облик столь благородного героя своими подозрениями.

Когда адепты Павильона Закаленных Звезд были освобождены, оказалось, что их роскошные одежды даже не помялись. Ци Наньпин оставил после себя не смертоносную ловушку, а лишь временное препятствие. Ночь вокруг была по-прежнему прекрасна: стрекотали цикады, пели ночные птицы. Однако мечники, только что считавшие себя покойниками, не выглядели счастливыми. Напротив, они выглядели скорбными, словно на похоронах.

То, что демон сохранил им жизнь, они сочли за кровное оскорбление.

Не желая сдаваться, адепты окружили Линь И:

— Благодарим вас, Чжэньжэнь!

— Тяньвай-чжэньжэнь, умоляем, помогите нам вернуть Градоначальника Лу!

— Чжэньжэнь, мы должны...

Голоса слились в нестройный гул, от которого у Линь И разболелась голова. Он чувствовал себя уткой, которую насильно гонят на вертел: жарко, неудобно, а отступить некуда.

К счастью, Лу Цзычэнь, совладав с чувствами, вышел вперед и властным окриком осадил толпу, после чего отвел Линь И в сторону.

Хотя Цзычэнь был лишь приемным сыном, во всем его облике сквозила та же статная мощь и рыцарский дух, что и в Лу Чжане. Прямой взгляд, честное лицо — истинный образчик праведного заклинателя. Даже сейчас, когда на душе у него явно скребли кошки, он умудрялся сохранять самообладание и удерживать адептов в узде.

Линь И плохо помнил этого персонажа по сюжету романа. Кажется, он был нужен лишь для того, чтобы в будущем Сюаньюань Кунь наставил ему рога, а затем убил.

Отойдя в тень деревьев, Лу Цзычэнь глубоко поклонился:

— От имени Павильона Закаленных Звезд и всех жителей Цзиньси благодарю вас, Чжэньжэнь, за спасение.

Линь И, уже догадываясь, о чем пойдет речь дальше, опередил его вопросом:

— Молодой господин Лу, скажите честно: между градоначальником и Повелителем демонов были какие-то старые счеты?

Лу Цзычэнь поднял голову, не разгибая спины. Его пальцы, сцепленные в жесте приветствия, побелели от напряжения. Он долго молчал, прежде чем прошептать:

— Тяньвай-чжэньжэнь, у меня есть к вам еще одна просьба.

Он запнулся, словно подбирая слова:

— Прошу вас... не пытайтесь спасти Градоначальника Лу. Эта вражда касается только нашего Павильона и Ци Наньпина.

Линь И замер. Пелена предвзятого отношения к «второстепенному персонажу» и «будущему рогоносцу» мгновенно спала. Перед ним стоял живой человек со своими тайнами, которого он раньше не удосуживался по-настоящему понять.

— Но почему? — изумился Линь И. — Ци Наньпин — Повелитель демонов. Вы хоть представляете, что это за место — Зеркало скорби?

Неужели он собирается в одиночку броситься в это пекло без единого шанса на успех?

Лу Цзычэнь с ненавистью процедил сквозь зубы:

— Если с отцом что-то случится, я готов умереть десять тысяч раз, лишь бы прикончить этого выродка!

Он выпрямился и замолчал. В густых сумерках леса он казался раненым зверем, с трудом сдерживающим яростный рык. Но человеческая выдержка победила. С надрывом в голосе он добавил:

— Тот барьер в лесу... Это тайная техника семьи Лу. Только я смог её узнать. Отец... он сам...

На этом разговор оборвался.

До Линь И наконец дошло. Он посмотрел ледяным взглядом:

— Глава Лу — мастер интриги. Надо же, обвел вокруг пальца даже меня.

Лу Цзычэнь явно не желал продолжать этот разговор. Он уже дал понять, что вмешательство Линь И нежелательно. Тени от листвы, подсвеченные лунным светом, плясали на его лице, выдавая внутреннюю бурю, которую он тщетно пытался скрыть за маской спокойствия.

Видеть эту напускную стойкость было больно. Линь И, решив не беречь рану, отвернулся и пошел прочь:

— Хорошо. Я тебя понял.

В этой нелепой комедии он не собирался никого винить, но и вникать в подробности чужих интриг не хотел. Единственным, кто в этом мире заслуживал его особого внимания, по-прежнему оставался Сюаньюань Кунь.

Он был другим.

Линь И шел медленно. Ночной лес дышал прохладой, а под ногами хрустела сухая листва. Эти опавшие листья казались одинаковыми, но если присмотреться, у каждого был свой неповторимый узор прожилок.

Он остановился. Один из листков, подхваченный потоком его энергии, плавно взлетел и опустился на ладонь. В ту же секунду серая сушь исчезла: лист наполнился сочной зеленью, и в свете луны стала видна каждая его жилка. Теперь этот лист был для Линь И особенным, единственным во всем лесу.

Так было и с Сюаньюань Кунем.

Когда из чащи донесся полный ярости крик Лу Цзычэня, Линь И был уже далеко. Выйдя из леса, он увидел своего ученика, окруженного толпой адептов. Высокая фигура Сюаньюань Куня выглядела среди них чужеродно: он стоял неподвижно, не разделяя их гнева и не роняя ни слова. Линь И невольно улыбнулся.

Если бы он не был автором этой истории, он бы и впрямь принял парня за бесчувственную каменную глыбу.

Вид «своего» главного героя успокоил его. В отличие от мутных интриг семейства Лу, Сюаньюань Кунь был ему понятен. Линь И выдохнул, чувствуя, как отпускает напряжение.

Адепты Павильона Закаленных Звезд продолжали сыпать высокопарными речами, умоляя гору Бутянь прийти на помощь их господину. Сюаньюань Кунь, прекрасно понимавший подоплеку случившегося, просто не знал, как объяснить это обеспокоенным ученикам, и потому хранил молчание.

Почувствовав на себе взгляд, он обернулся. Линь И стоял неподалеку, окутанный серебристым лунным светом, и смотрел на него с какой-то особенной теплотой.

Ученик не понимал, чему улыбается мастер, но он чувствовал: этот взгляд предназначался только ему.

В груди Сюаньюань Куня что-то дрогнуло. Почти болезненный порыв заставил его едва не выкрикнуть: «Шифу!». Но обжигающая волна эмоций схлынула так же быстро, как и пришла. Кровь остыла. Сюаньюань Кунь опустил глаза и едва слышно произнес:

— Шифу.

В памяти вновь вспыхнула та ледяная улыбка, с которой десять тысяч лет назад клинок дважды пронзал его сердце.

«Вот оно что... Тот же человек, и всё же — совсем другой. Но в конечном счете — всё тот же».

Линь И подошел и вызволил ученика из кольца крикунов.

«М-да, это его "шифу" всегда звучит как-то слишком отстраненно», — подумал Линь И, но тут же отмахнулся от этой мысли. Ничего, время терпит. Рано или поздно он вернет парня на путь того самого «правильного героя», каким тот был в оригинале.

Он отвел молчаливого, но послушного ученика в постоянный двор. Ночь уже полностью вступила в свои права. Проводив Сюаньюань Куня до дверей его комнаты, Линь И зашел в свою и погрузился в изучение свитков в своем сознании.

Он делился духовной силой с учеником, чтобы тот мог практиковать техники, не имея духовного корня, но телу всё равно требовались нормальная еда и крепкий сон. Парень столько настрадался: вечно голодный, в обносках, постоянно израненный...

Без отдыха и заботы нервы окончательно сдадут. Линь И был уверен: его подопечный находится на грани душевного истощения и остро нуждается в лечении.

«Великий мастер стадии Перехода через Бедствие» всю ночь просидел в чертогах своего разума, листая трактат о целебном питании. Рано утром Линь И, неся в руках чашку горячей каши с красными ягодами, замер перед дверью ученика.

Он уже занес руку, чтобы постучать, но вовремя спохватился. Мастерское достоинство превыше всего! Поколебавшись, он развернулся и спустился вниз, к слуге.

Линь И протянул чашку мальчику-посыльному:

— Постучись в ту комнату. Когда он проснется, отдай это ему. Скажи, что это завтрак от заведения. Обо мне — ни слова.

— Простите, уважаемый господин, а вы из какой комнаты будете? — замялся слуга. После ночных беспорядков он боялся подносить гостям еду без спросу.

— Мы вместе. Проверь книгу записей, если сомневаешься. Всё в порядке.

Слуга почесал затылок. Посетитель перед ним был одет скромнее некуда, но каша в руках выглядела так, будто в неё вложили всю душу. И при этом он не хотел вручать её лично... А гость в той комнате — особа явно непростая...

В глазах мальчика промелькнуло понимание: «Стесняется, значит. Дело ясное!».

— Будет сделано, господин! Всё понимаю! — весело отозвался он.

<http://bllate.org/book/17554/1711579>